

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 1766-1779
DOI: 10.13187/bg.2023.4.1766

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part I

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to a well-known yet not specifically studied event, the arrest of Khivan subjects in the Russian Empire in 1836. Different authors offer diametrically opposed interpretations of this event: thus, the Russian researcher R.Yu. Pochekaev views it as an act of self-defense caused by the Khiva-inspired attacks on the Russian subjects, but the British researcher A. Morrison considers it the first step towards the escalation of a conflict which ended with the Khivan campaign. We will consider this event from the point of view of microhistory rather than the history of states and regions, concentrating the attention on the individual strategies and fates of different people connected with the arrest of Khivans, and in doing so we will rely on archive materials, predominantly the documentation of the Orenburg Border Commission.

In the first part of the article, the author comes to four main conclusions. First, the practice of taking hostages in 1820–1830s was used by the Russian authorities as an acceptable method of fighting with Middle Asian slavery, and, moreover, sometimes the hostages were taken for ransom (which was used to compensate the victims of nomadic raids), and subjected to arrest could be the wealthy distant relatives of the criminals, personally guilty of nothing. Secondly, the initiator of the mass arrest of Khivans was, in 1831, the perfectly familiar with the practice of hostage-taking chairman of the Orenburg Border Commission G.F. Gens, who, moreover, from the beginning was positioning the crimes of Khivan slave traders as most grievous, and believed that most of Khivan denizens were involved in the slave trade, as a result calling the arrest of Khivans in Russia only a “seeming injustice”. Thirdly, in the first half of the 1830s other ways of fighting Khivan slave trade were also suggested by the Russian officials, and, what is more, the Ministry of Foreign Affairs had initially chosen the ransoming of Russian slaves from Khiva through Bukhara as the main course of action, however the attempts of such ransoming proved unsuccessful. Fourth, the arrest of Khivans in 1836 was aimed not at defending Russia’s frontier or at aggression against Khiva, but at fighting the slave trade: the escalation of the conflict was indeed started by the Russian side, but the reason for this was the extremely harsh position on the matter by the Khivan side, who was refusing, even for ransoms, to return back captured Russian subjects.

Keywords: hostages, slavery, captivity, Central Asia, Khanate of Khiva, Orenburg Governorate, G.F. Gens.

1. Введение

В первой половине XIX века на территории Средней Азии пересекались интересы двух великих держав — Великобритании и Российской империи, а местные государства и племена пытались лавировать между ними, защищая свои интересы, что вело к многочисленным конфликтам как дипломатическим, так и военным. Сейчас, в первой половине XXI века, конфликты вызывает уже

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

описание этого времени: различные национальные историографии по-разному трактуют факты из истории Средней Азии, отстаивая диаметрально противоположные варианты исторической памяти.

Так, известный российский исследователь региона Р.Ю. Почекаев выделяет три группы исследований: российские, которые направлены на «"реабилитацию" российской имперской политики в Центральной Азии» и якобы сравнительно объективные; «национальные», которые пытаются «охарактеризовать пребывание того или иного региона в составе Российской империи исключительно негативно» и якобы до недавних пор в значительной степени опирались на «идеологические конструкты»; и западные, характеристики которых не дается, но в другом месте указывается, что большая их часть представляет собой «разоблачение» «российской колонизаторской политики в Центральной Азии» (Почекаев, 2017: 13-14). А известный британский исследователь региона А. Morrison оценивает объективность современных российских исследователей в вопросе завоевания Средней Азии совершенно иначе: «Since the collapse of the Soviet Union much modern Russian writing on the history of the conquest has regressed into unapologetic jingoism, with no fewer than four hagiographies of the brutal General Mikhail Dmitrievich Skobelev having appeared since 2000, together with celebrations of Russian victories in the region which are often indistinguishable from the triumphalism of the Tsarist period» (Morrison, 2014: 132).

Наша статья будет представлять собой попытку взглянуть на малоизвестный и морально неоднозначный эпизод российской имперской политики в Средней Азии не с позиции истории государств и народов, а с позиции микроистории, с акцентом на случаи отдельных людей.

Одним из ключевых деятелей, определявших политику Российской империи в Средней Азии в 1830–1850 гг., был оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, в 1839–1840 гг. предпринявший неудачный военный поход на Хиву. Однако до этого похода он пытался повлиять на хивинское правительство, задержав в 1836 г. так называемых хивинских торговцев (фактически всех хивинских подданных) в России. Сам факт этого задержания хорошо известен, но ему предсказуемо даются диаметрально противоположные оценки. Р.Ю. Почекаев интерпретирует задержание хивинцев как самозащиту: «Хивинские ханы и их пограничные чиновники нередко подстрекали казахов к нападению на русские пограничные поселения, рыбаков и торговые караваны. <...>. Хан Алла-Кули проигнорировал его послания и продолжил враждебные действия против русских властей в Сепи, что заставило губернатора перейти к более суровым мерам. В 1836 г. он предложил Азиатскому комитету Министерства иностранных дел план экономических санкций против Хивы, каковой и был принят, а в июне 1836 г. одобрен указом императора Николая I. В результате около 600 хивинских купцов были арестованы» (Почекаев, 2017: 211-212).

Напротив, А. Morrison, признавая факт инспирированных Хивой нападений на русскую границу, рассматривает задержание хивинских купцов как первый шаг к эскалации конфликта, завершившегося Хивинским походом, а желание подобного конфликта со стороны Российской империи связывает с ее имперскими амбициями: «The sense of competitive imperial emulation emerges clearly: Russia could not be left behind by Britain and France, nor could one of Europe's Great Powers continue to tolerate the insults of a petty Asiatic state like Khiva. <...>. Tsar was entirely in agreement with the memorandum's sentiments (речь идет о меморандуме военного министра А.И. Чернышева о возможной военной экспедиции против Хивы, написанном под влиянием оренбургского военного губернатора В.А. Перовского – Авт.) and wished to see a detailed plan for an expedition: once again, Perovskii's close personal connection with Nicholas I had borne fruit. The first practical consequence of this was an imperial decree of 1836 ordering the detention of over 350 Khivan merchants in the Menovoi Dvor (Asian caravanserai) outside Orenburg and a total suspension of Russian trade with the Khanate» (Morrison, 2021: 88-89). Однако ни Р.Ю. Почекаев, ни А. Morrison, ни другие авторы, упоминавшие задержание хивинских торговцев, не останавливались на данном сюжете подробно, не разбирали вопроса о том, почему вообще «экономические санкции» «total suspension of Russian trade with the Khanate» сопровождалась массовым задержанием мирных хивинцев, как мотивировалось это задержание и насколько тяжелым было положение задержанных в России. Что касается приводимой ими информации о последствиях задержания хивинских купцов, то она не вполне корректна. Так, Р.Ю. Почекаев утверждает, будто бы в 1837 г. хивинцы ответили на русские действия «плохо скрытой издевкой», освободив около 40 рабов, но «все они были преклонного возраста» (Почекаев, 2017: 213). Между тем в действительности освобождено было только 25 рабов, но в их числе были и молодые (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 18-19об., 55-56об.). Еще менее корректна претензия к хивинцам в связи с тем, что они якобы одновременно возвращали рабов в Россию и активизировали их захват на Каспийском море, что и спровоцировало военную экспедицию против Хивы (Почекаев, 2017: 214). В действительности здесь нарушена хронология: активизация инспирированных Хивинским ханством рабзахватов произошла весной 1839 г., однако к этому времени не только активно шла подготовка к Хивинскому походу, но и в Хиве знали об этом (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 39-39об., 75об.).

Таким образом, несмотря на утверждения об объективности современной российской историографии, Р.Ю. Почекаев в значительной степени транслирует дореволюционный имперский нарратив о подлых и вероломных хивинцах, принимая на веру не только факты, сообщавшиеся авторами имперского периода, но и их оценки. Напротив, А. Morrison не упоминает о том, что в

результате задержания хивинских торговцев было освобождено достаточно много русских рабов из Хивы, но их освобождения были неоднократными и растянутыми по времени: уже упомянутые 25 человек в 1837 году и 80 человек в – 1839 г. (Ermachkov, 2021: 27). Он приводит только один случай, когда «two Khivan envoys arrived with five freed Russian prisoners in August 1838, Perovskii refused to receive them, had them detained with the merchants, and interrogated the ex-slaves for useful information» (Morrison, 2021: 89-90). Соответственно, последствия задержания хивинских купцов в России тоже следует признать неизученными.

Между тем случай с хивинскими торговцами представляет большой интерес для понимания отношения русских чиновников к рабству в Средней Азии и, шире, для понимания морали их экспансии в регионе. Уже первые российские исследователи, ориентируясь на утверждения этих чиновников, героизировали среднеазиатскую экспансию России как борьбу с работорговлей. Так, уже оренбургский историк-любитель начала XX в. С.А. Севастьянов, опубликовавший ряд документов, которые мы будем использовать в нашей статье, на их основаниях делал выводы о «тысячах русских пленников», увезенных в Хиву (Севастьянов, 1906: 101). Таким образом, с его точки зрения, «события, предшествующие экспедиции Перовского, оправдывали принятое решение выступить в поход» (Севастьянов, 1906: 142).

Итак, антихивинская политика России в XIX в. носила антирабовладельческий характер, и ее целью было уничтожение Хивинского ханства как центра работорговли. Однако, пытаясь достигнуть подобной благородной цели, русские чиновники арестовали сотни мирных хивинцев. Насколько же этот шаг был уникальным для российской политики в Средней Азии? Как люди, считавшие себя защитниками русских рабов в Хиве, относились к хивинским задержанным в России? Были ли жертвы у данной акции? На эти, и не только, вопросы мы постараемся ответить в нашей статье.

2. Материалы и методы

В своем исследовании мы будем рассматривать задержание хивинцев в Российской империи в 1836 г. в контексте не русско-хивинских отношений, но борьбы российских чиновников с рабством. Дело в том, что, как следует из архивных материалов, практика взятия «заложников» из «киргизцев» практиковалась русским пограничным начальством в 1820 гг. в качестве вполне допустимой и нормальной. Целый ряд лиц был задержан только в связи с делом о похищении в 1823 г. двух русских офицеров – И.В. Подурова и С.Я. Медведева, что нашло отражение в материалах соответствующего дела (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769).

Материалы русских пограничных властей, ныне хранящиеся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), позволяют взглянуть на институт заложников русских властей в Средней Азии снизу: по ним можно проследить судьбы отдельных заложников, понять, по каким причинам они были задержаны, как их содержали и чего от них требовали. Кроме того, мы исходим из того факта, что идея задержать хивинцев в России изначально исходила не от имперских или даже губернских властей, но от властей пограничных, отвечавших за сношения со степными кочевниками, причем они связывали ее именно с очередной попыткой искоренить работорговлю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22-29). Соответственно, сопоставление риторики чиновников и реальных случаев заложничества позволит нам понять, во-первых, насколько эффективным и жестоким был такой способ борьбы с рабством, а во-вторых, насколько обоснованны были надежды на то, что задержание хивинцев в России возымеет какой-либо положительный эффект.

Рассмотрение ситуации на уровне микроистории поможет нам уйти от штампов национально ориентированных нарративов: мы будем рассматривать не сюжет о том, насколько в принципе мирной/экспансионистской была российская политика борьбы с работорговлей в Средней Азии, но целый ряд частных сюжетов, связанных с последовательностью, эффективностью и гуманностью взятия отдельных заложников, с тем, что побудило одних лиц выступать за арест хивинцев, а других – предлагать альтернативы этому шагу и т. д. Как сформулировал К. Гинзбург, «всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотным переплетением, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению» (Гинзбург, 2004: 312). Именно рассмотрением индивидуальных стратегий мы и займемся, чтобы затем на их основании понять, в какой ситуации было принято решение о задержании хивинцев – в свою очередь, важное для понимания логики российской политики в Средней Азии в целом.

Оговорим еще два значимых момента. Русские чиновники крайне небрежно подходили к среднеазиатским именам и этнонимам. Один кочевник в разных документах, а иногда даже по ходу одного документа, мог именоваться по-разному. Например, в 1837 г. казачий офицер есаул Петров отправил на поиски каравана, везущего из Хивы освобожденных русских, двух человек – Наумана Еркимбаева и Токмана Бельчикова, которые далее в его отчете именуется еще Эркимбаевым, Белчиковым и Бильчиковым (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 1-20б.). Могли по-разному использоваться даже имперские, а не местные, этнонимы: так, современных казахов могли называть как «киргизами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 29), так и «киргизцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 20-21) и «киргиз-кайсаками» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 243-243об.). Исходя из этого, в наименованиях мы используем следующую систему: 1) в случае имен мы употребляем один из

вариантов описания, специально не оговаривая это, чтобы было ясно, что речь идет об одном человеке, но в цитатах могут быть разные варианты написания, отличные от принятого сейчас (так, «Юламан» из документов становится «Джуламаном» у С.А. Севастьянова и «Жоламаном» – у современных казахских авторов); 2) мы не пытаемся специально уточнить, какой именно современный этнос в каждом конкретном случае называется русским автором устаревшим термином, но используем единый этноним «киргизец», чтобы было ясно, что имеются в виду не современные киргизы.

3. Обсуждение

Историография Средней Азии XIX в. крайне обширна. Поэтому мы ограничимся указанием только на те работы, в которых рассматривается интересующий нас сюжет о задержанных хивинцах.

Первые упоминания о них присутствуют уже в исследованиях XIX в. Так, в одном из первых описаний Хивинского похода 1839–1840 гг., автором которого является М.И. Иванин, глухо упоминается, что по его итогам «отпущены были в Хиву остановленные в 1836 году хивинские купцы» (Иванин, 1874: 157). Схожая ситуация наблюдается по сей день: о задержании хивинских купцов только кратко упоминают в обобщающих работах по смежным темам. Наиболее подробно на их задержании останавливается Р.Ю. Почекаев в своей монографии «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX вв.» (Почекаев, 2017: 212–214). Однако его изложение событий, как мы видели выше, содержит ряд ошибок как фактических, так и концептуальных, связанных с описанием ситуации со специфически российской позиции. Остается повторить, что факт задержания хивинцев хорошо известен, однако его контекст изучен не вполне, а о жизни хивинцев в плену работ вообще нет. И это позволяет различным авторам встраивать задержание хивинцев в совершенно разные нарративы, рассматривая его и как акт законной самообороны, и как акт агрессии.

В то же время в последние годы вышли три статьи, посвященные событиям 1839 г., когда хивинцы вернули в Россию большую группу пленных, надеясь на ответное освобождение торговцев. Статья И.А. Ермачкова «Русская официальная переписка о возврате русских пленных из Хивинского ханства в 1839 г.» (Ermachkov, 2021: 26–34) представляет собой по сути публикацию целого ряда документов об этом событии, контекст которых не вполне понят автором. Так, он утверждает, будто бы В.А. Перовский дважды задерживал хивинских торговцев, сперва в 1837 г., а затем в 1839 г. (Ermachkov, 2021: 26–27). В действительности, как мы видели выше, речь идет об одном задержании, причем не в 1837 г. и не 1839 г., а в 1836 г., после которого хивинцы были в русском плену около 4 лет. Тем не менее сообщаемые в тексте документы, например, грамота хивинского хана Аллакули русским властям, заслуживают самого серьезного внимания (Ermachkov, 2021: 29). Две другие статьи И.А. Ермачкова, Е.В. Видищевой, А.А. Байбарина, Е.К. Минеевой и Л.Л. Баланюк содержат анализ показаний, вышедших в 1839 г. из Хивы русских рабов (Ermachkov et al., 2021a: 1171–1180; Ermachkov et al., 2021b: 1779–1788). Хотя эти статьи меньше связаны с темой нашей работы, они наглядно демонстрируют определенный успех захвата русскими властями хивинских торговцев в 1836 г.: по крайней мере, 80 человек благодаря этому удалось вырвать из Хивы только в 1839 г.

4. Результаты

Проект полковника Генса

На самом деле идея массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи принадлежала не В.А. Перовскому, а полковнику (позднее генерал-майору) Г.Ф. Генсу и была изложена им еще в 1831 г. в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22–29).

В подобном контексте заслуживает внимания сама личность Г.Ф. Генса. Его происхождение не вполне ясно. Он родился в 1787 г., принадлежал к дворянскому сословию и придерживался лютеранской веры (Матвиевская, 2016: 111). Однако неизвестно ни место его рождения, ни то, кем были его родители. В дореволюционной историографии высказывалось предположение, будто бы Г.Ф. Генс родился в Курской губернии (на том основании, что оттуда происходила его жена), а родители его были богаты и смогли дать сыну отличное образование (в инженерном корпусе их сын учился всего год, после чего бы выпущен оттуда подпоручиком) (Юдин, 1899: 367). Но подробно изучена только деятельность Г.Ф. Генса в Оренбурге, где он служил с 1807 г. до выхода в отставку в 1844 г. (Матвиевская, 2016: 122).

В 1807–1820 гг. Г.Ф. Генс привлекался к экспедициям в степь и занимался благоустройством Оренбурга; в 1820–1830 гг. он был начальником инженерной команды Отдельного Оренбургского корпуса; в 1824–1832 гг. – директором местного кадетского корпуса; а в 1825–1844 гг. возглавлял Оренбургскую пограничную комиссию – орган, отвечавший за взаимодействие Российской империи с так называемыми «киргиз-кайсаками» или «киргизцами», т. е. казахами (Матвиевская, 2016: 111–122). Таким образом, Г.Ф. Генс почти двадцать лет занимал должность чиновника, отвечавшего за взаимодействие со среднеазиатскими племенами и государствами.

На этой должности он проявил себя как крупный исследователь-востоковед. Им было написано (но не опубликовано) множество рукописей, причем как частного характера, с рассказами различных

лиц о своем пребывании в Средней Азии, так и более общих, например, «Об опасности, угрожающей Восточной России от магометан» или «Об усмирении киргизов» (Попов, 1907: 168-173). В 1829 г. Оренбург посетил А. фон Гумбольдт, один из спутников которого оставил такое свидетельство о Г.Ф. Генсе: «Он вызвал у нас всех, и особенно у господина фон Гумбольдта, большой интерес из-за своих познаний в географии и политическом положении Средней Азии» (Матвиевская, 2016: 118). Позднее А. фон Гумбольдт упоминал «прекрасные исследования» и «сокровищницу географических данных» Г.Ф. Генса в переписке с министрами Российской Империи Е.Ф. Канкринным и С.С. Уваровым (Матвиевская, 2016: 119). Положительные отзывы о творчестве Г.Ф. Генса позднее создавались крупными российскими востоковедами В.В. Григорьевым и Я.Н. Ханыковым (последний даже называл офицера «величайшим знатоком киргизских степей и киргизского быта») (Попов, 1907: 174-178).

Неудивительно, что авторитет Г.Ф. Генса как эксперта по Средней Азии был очень высок. Уже в конце XIX в. в Оренбурге была записана такая история о нем: «По словам Михаила Николаевича Бекчурина, Генс пользовался особым благоволением Государя Императора Николая Павловича. Однажды он был вызван по Высочайшему повелению в Петербург и, по прибытии во дворец в полной парадной форме, был принят в кабинет Государя. Его Величество любезно усадил около себя в кресло взволнованного Генса, взял его руку и, не выпуская ее из своих рук, просил Григория Федоровича рассказать подробно все, что делается в Оренбурге и соседних ханствах» (Севастьянов, 1907: 159). Независимо от того, насколько правдива эта история, она хорошо иллюстрирует образ Г.Ф. Генса – лучшего знатока Хивы и Бухары своей эпохи.

Итак, взять в плен в мирное время без объявления войны хивинских подданных на территории Российской империи предложил не случайный чиновник и даже не кто-то из оренбургских военных губернаторов, а уникальный авторитетнейший специалист по Средней Азии, удостоенный к этому моменту похвал от самого А. фон Гумбольдта. Показательно, что в известных нам текстах о Г.Ф. Генсе этот эпизод его биографии не упоминается. При этом текст записки «О находящихся в Хиве российских пленниках» был опубликован еще в 1906 г. оренбургским историком-любителем С.Н. Севастьяновым, хотя и со множеством неточностей (Севастьянов, 1906: 133-138). Однако от комментирования содержания данной записки С.Н. Севастьянов, поклонник таланта Г.Ф. Генса, воздержался (Севастьянов, 1906: 141-142).

Записка «О находящихся в Хиве российских пленниках» Г.Ф. Генса представляет собой типичный пример российского имперского нарратива о Средней Азии. Она начинается с обвинений киргизцев в похищении русских людей (до 200 в год), а хивинцев – в содержании русских пленников (около 2 000) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22-220б.). Текст эмоционально окрашен и содержит ярко выраженную экспрессивную лексику: так, продажа рабов именуется «бесчеловечным торгом», пленники «страждут в самой тяжкой неволе», а их семьи «находятся частью без способов к пропитанию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 220б.-24). Одновременно Г.Ф. Генс признавал, что в качестве ответной меры имперские власти захватывали «киргизов, принадлежащих к одному с пленителями роду», и даже позиционировал подобную меру как «несправедливую» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 230б.-24). Однако его критика сосредотачивалась не на несправедливости данной меры, а на ее неэффективности, связанной как с тем, что киргизцам оказывалось трудно выручить уже проданных в Хиву пленников, так и с тем, что имперское начальство «по истечении некоторого времени освобождает таковых заложников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 230б.-24). Таким образом, с самого начала записки мы видим любопытную логику: захват жителями Средней Азии в рабство русских подданных позиционируется Г.Ф. Генсом как тяжелейшее преступление, а ответное взятие русскими властями дальних родственников похитителей в качестве «заложников» (термин самого Г.Ф. Генса) оказывается только «несправедливостью».

«Нет сомнения, что должно принять решительные меры к освобождению пленных», – делал вывод Г.Ф. Генс (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 25). Чиновник видел два эффективных варианта подобных мер: «действия военных против Хивы» или «задержание Хивинских караванов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 25). Однако первый вариант Г.Ф. Генс отвергал как из-за возможных финансовых и человеческих потерь, так и опасаясь того, что при приближении русских войск к Хиве местные жители просто перебеют всех рабов «по известному изуверству магометан» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 250б.). А вот второй вариант он считал простым и надежным.

Согласно Г.Ф. Генсу, Хивинское ханство не могло выжить без торговли с Россией: «Хивинцы без железа, юфти и некоторых других товаров обойтись не могут, и товары сии могут они получать только в России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 28). Исходя из этого, он предлагал действовать решительно, жестко и внезапно: по прибытии хивинского каравана в Оренбург задержать товары и людей, одновременно проведя аналогичные задержания хивинских торговцев в Астрахани и Грузии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 26). Затем следовало выставить ультиматум хивинскому хану: «Если же в течение двухгодичного срока не будут освобождены из Хивы все российские пленники, то оставшиеся невыкупленными товары будут обращены в пользу пострадавших от пленения людей семейств, а люди будут посланы в отдаленные места на поселение» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 27-270б.). Г.Ф. Генс эмоционально писал, что предлагаемая им мера, помимо прочих выгод, «доставит свободу несчастным, которые томятся в неволе непостижимо тяжкой» (ОГАОО. Ф. 6.

Оп. 10. Д. 3755. Л. 280б.). Напротив, задержание и потенциальное пожизненное насильное удержание в России хивинских торговцев Г.Ф. Генс называл лишь «мнимой несправедливостью», аргументируя это так: «Они большей частью виновны в покупке их (русских рабов – Авт.) и побуждении к пленению киргизов, а, наконец, гораздо невиннее их несчастные пленники» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 29).

Остается констатировать, что, сформулировав идею массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи, Г.Ф. Генс не предложил принципиально новой меры, но просто распространял на отношения с хивинцами ту же логику, которой придерживался в отношении киргизцев: захват в рабство русских подданных является безусловным преступлением, а вот ответное взятие русскими властями заложников из числа людей, причастных к рабовладению и работорговле хотя бы косвенно, вполне допустимо. С точки зрения современного гуманизма подобная логика, безусловно, аморальна. Однако суровые времена требуют суровых мер, и поэтому, прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, нам кажется важным разобраться, как вообще выглядел захват русскими властями заложников из жителей Средней Азии, насколько он был обоснован их преступлениями.

Компенсация прапорщику Медведеву

В числе научных рукописей Г.Ф. Генса было сочинение «Взятие в плен киргизами сотника Подурова и прапорщика Медведева» (Попов, 1907: 174-178). Позднее на основе этой рукописи С.Н. Севастьянов написал очерк «Иван Васильевич Подуров» (Севастьянов, 1999: 190-205). А в Объединенном государственном архиве Оренбургской области хранится обширное дело, посвященное истории И.В. Подурова и С.Я. Медведева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769). Данное дело уникально в том отношении, что в нем все детали как похищения киргизцами русских офицеров в 1823 г., так и последовавших затем событий 1824–1828 гг. описаны крайне подробно. Причина этого заключается в том, что из ряда вон выходящей была сама ситуация: похищены были не крестьяне или казаки, а два офицера, в связи с чем оренбургский военный губернатор П.К. Эссен¹ даже подавал рапорт Александру I (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 18-180б.). Кроме того, из ряда вон выходящую настойчивость проявил отец прапорщика С.Я. Медведева, писавший прошения о немедленной выплате компенсации за похищенное у его сына имущество разным лицам, включая императора, столь настойчиво, что в итоге его даже посадили за это под арест на трое суток (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 467-4670б.). Поскольку ситуация была далеко не обычной, а отчет о ней в любой момент могли потребовать имперские власти, в переписке различных инстанций оказалось зафиксировано множество деталей пограничного быта, которые в обычной ситуации просто не оказывались на бумаге.

Прежде всего отметим, что в данном случае основной мотивацией похитителей было не получение прибыли. За И.В. Подурова они требовали выдать им некоего Тюлембая Кудукова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 106), а за С.Я. Медведева – Айчувака Бутанаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 119). Таким образом, как это ни иронично, в данном случае киргизцы фактически использовали ту же практику в отношении русских офицеров, которую русские власти использовали против них: чтобы добиться освобождения своих соплеменников, они взяли в заложники влиятельных лиц враждебного лагеря. Впрочем, между случаями Тюлембая Кудукова и Айчувака Бутанаева была принципиальная разница. Кундуков обвинялся в убийстве русского крестьянина и находился под следствием (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 2600б.), поэтому в его случае арест со стороны русских властей был безусловно оправдан. Бутанаев же сперва был выдан русским для суда по обвинению в краже скота у собственных сородичей ханом Младшего жуза Ширгазы Айчуваковым, а затем хан начал просить вернуть его из-за угроз со стороны собственных подданных, считавших, что выдача произошла «вопреки древнему обычаю дедов и отцов их, по которому ополченного вора своеручно выдавать было бы несовместно и незаконно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 1380б.). Соответственно, пребывание Айчувака Бутанаева у русских выглядело крайне сомнительным даже с точки зрения лояльных России киргизцев.

Похитителям покровительствовал тархан, которого русские документы именуют Юламаном Тлянчинным, и который вел переговоры об освобождении киргизских пленников лично. О Жоламане Тленшиулы сохранилось мало сведений, но в современном Казахстане он позиционируется как «предводитель национально-освободительного движения казахов против колониальной политики Российской империи» (Энциклопедия..., 2005: 336). Пленники стали для Жоламана Тленшиулы еще и способом вступить в переписку с П.К. Эссеном. Демонстрируя свою лояльность Российской империи, Тленшиулы отправил П.К. Эссену копии с грамоты Екатерины II его отцу и копию благодарности прошлого оренбургского губернатора Г.С. Волконского ему лично (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 225-226). Он и его соратники пытались объяснить, что они не мятежники, но борются за свои законные права и ходатайствовали о возврате им земель по реке Илеку, где с 1810 г. были учреждены русские форпосты, вследствие чего подданные Тленшиулы «в немалом числе аулов принужденными находились иметь кочевание за речкой Илеком на степях, не имеющих ни леса, ни

¹ Уточним для простоты понимания, что в 1820-1830 гг. в Оренбурге сменилось 3 военных губернатора, П.К. Эссен (1817–1830), П.П. Сухтелен (1830–1833) и В.А. Перовский (1833–1842).

хорошей воды, почему в скотоводстве претерпевали крайнюю нужду» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172об.). Безусловно, идеализировать Жоламана Тленшиулы и его людей не стоит: это были жестокие защитники своей земли, и во время похищения И.В. Подурова и С.Я. Медведева ими был убит посторонний казак Е. Наймушин (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 379об.). Не брезговали они и работоторговлей: денщик С.Я. Медведева С. Михайлов был продан ими «далеко», и выручить его так и не удалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 398). Однако еще более ошибочным было бы считать их обычными бандитами. Собственно, даже крайне пристрастный к киргизцам и часто демонизировавший их С.Н. Севастьянов писал о Жоламане Тленшиулы так: «Джуламан выступает энергичным борцом за интересы киргизского народа, среди которого он как справедливый и бескорыстный судья пользовался всеобщим уважением. До сих пор поются киргизами песни, сложенные в честь него, и передаются из рода в род предания про Джуламана-батыря...» (Севастьянов, 1999: 197).

Итак, в случае с похищением И.В. Подурова и С.Я. Медведева мы имеем дело не с обычным захватом рабов, а с взятием русских заложников для их обмена на находящиеся в русской тюрьме киргизцев, причем руководил этим процессом авторитетный и уважаемый, пускай и мятежный, Жоламан Тленшиулы. Однако русские власти в подобные тонкости не вдавались, рассматривая пленителей как обычных «хищников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 379об.). Впрочем, чтобы спасти русских офицеров, они выдали киргизцам и Тюлембая Кудукова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 153), и Айчувака Бутанаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 167-167об.). Но сразу после освобождения И.В. Подуров и С.Я. Медведев подали прошения об «удовлетворении» за похищенное у них во время пленения имущество, будто речь шла об обычном грабеже (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 184, 253-253об.). Вот только именно в силу специфики случая с Жоламаном Тленшиулы складывалась сложная пикантная ситуация: с одной стороны, русские пограничные власти должны были удовлетворить эти прошения; с другой стороны, ввиду того, что преступниками были мятежники под руководством влиятельного лидера, шансы получить компенсацию с них были призрачными; наконец, платить из собственных сумм власти не хотели. В очередной раз объясняя столичному начальству, почему прошения отца С.Я. Медведева еще не удовлетворены, П.К. Эссен указывал, что Оренбургская пограничная Комиссия «сделала вновь распоряжения об открытии в Киргизской Орде виновных разграбления сына его и о взыскании с них удовлетворения ему», и добавлял, что «казенные же суммы употреблять на оное невозможно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 451-451об.).

В этих условиях пограничные власти, с 1825 г. руководимые Г.Ф. Генсом, начали брать заложников из киргизцев, требуя от их родственников заплатить компенсацию русским офицерам. Риторика властей при этом была весьма показательной. Лично П.К. Эссен 20 ноября 1823 г. распорядился «согласно законным обычаям Киргиз-кайсака вызвать на линию и задержать человек трех из почетных между ними людей, коих и не отпускать в Орду, пока не будет возвращен солдат Михайлов и удовлетворен Медведев в его иске» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 243-243об.). В данном распоряжении наиболее интересны два момента. Во-первых, приказывая задержать трех киргизцев, русский губернатор ссылаясь не на имперские законы, а на «законные обычаи Киргиз-кайсака». В других материалах дела ссылок на имперское законодательство, предписывающее брать заложников в подобных ситуациях, мы тоже не обнаружили. Таким образом, русские власти считали допустимым, по крайней мере в некоторых случаях, руководствоваться обычаями тех самых киргизцев, которых они за похищения русских подданных объявляли преступниками. Во-вторых, задерживать предписывалось не ближайших родственников похитителей, а «почтенных» людей, за которых шанс получить выкуп был выше. Да и сам И.В. Подуров в прошении Александру I от ноября 1823 г. просил «захватить родственников или однородцев вышепоименованных хищников и задержать их на линии дотоль, пока не удовлетворят меня за разграбленные вещи и деньги» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 258об.), т. е. прекрасно понимал, что захватить самих похитителей не выйдет, но можно взять в заложники их дальних родственников. Любопытно, что С.Н. Севастьянов, писавший свой очерк о пленении И.В. Подурова на основании не столько архивного дела, сколько рукописи уважаемого им Г.В. Генса (нам эту рукопись обнаружить не удалось, поэтому вопрос о том, как в ней описано взятие заложников, остается неразрешенным), данный сюжет почти полностью обошел, сообщив исключительно то, что «за ограбленные вещи, по оценке их, Подуров получил 1604 р. 40 к. асс., прапорщик Медведев – 2 023 р. и 1/2 к., Матюков – 295 р. 50 к., Кожевников – 300 р. Все эти деньги собирались с киргиз до 1829 г., и лишь только благодаря энергии и изумительному умению Аржанухина (начальника Новоилецкой линии – Авт.) жить с киргизами были наконец собраны сполна» (Севастьянов, 1999: 203).

Посмотрим, что в действительности скрывалось за эвфемизмом «жить с киргизами». Начальник Новоилецкой линии есаул Аржанухин взял первых двух заложников уже в декабре 1823 г.: ими оказались некие Тайлан Туляганов и Енгыч Уразаков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 277). Отметим, что в данном случае власти задержали людей, против которых были выдвинуты хоть какие-то персональные обвинения: один из дружественных России киргизцев утверждал, будто бы именно они злоумышляли на урядника Плешкова, убитого по ходу освобождения есаула И.В. Подурова

(ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 281). Уразаков, однако, в феврале следующего 1824 г. сумел сбежать от русских (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 307). Иначе сложилась судьба Туляганова. Его родственники в 1824 г. выкупили у других киргизцев захваченного русского подданного Асендияра (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 337-337об.). Тем временем проводимое Аржанухиным расследование показало, что заложник по делу об убийстве Плешкова «нимало не обнаруживается виновным» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 335об.). Однако П.К. Эссен уже после выдачи русским Асендияра отказался отпускать Туляганова, пока он не заплатит 1 000 руб. родственникам убитого Плешкова, мотивируя это следующим образом: «Входя в расстроенное положение семейства его (Плешкова – Авт.), оставшегося без призрения и тех способов к своему содержанию, какие уделял отец, лишившийся жизни от рук родственников Тайляна, признаю справедливым, дабы тому семейству было оказано какое-либо пособие» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 340об.). 1 000 руб. семейству Плешкова в итоге была передана (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 481об.). Таким образом, Тайлан Туляганов не просто заплатил за преступление своих родственников, к которому не имел отношения, но еще и заплатил дважды: сперва выкупив русского пленника и передав его русским властям, а затем еще и отдав этим властям 1 000 руб.

Точное число киргизцев, задержанных для получения с них компенсаций И.В. Подурову и С.Я. Медведеву, установить невозможно: Аржанухин не отчитывался о каждом взятии заложника. Так, 2 апреля 1824 г. он доложил о смерти Тайсуйгана Каресаева, в прежней переписке не упоминавшегося вовсе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309). Каресаев, взятый «под караул для выручки из Плену отставного солдата Михайлова и ограбленного с ним в 1823 году киргизцами у Есаула Подурова и Прапорщика Медведева имения», скончался на следующий день после того, как «был за дерзость наказан палками» начальником того форпоста, в котором содержался (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309). После смерти киргизца форпостный начальник представил свидетельство от некоего его родственника, согласно которому Каресаев «был по временам одержим падучей болезнью и пред русскими делал не одно открывшееся преступление» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309). Власти начали расследование, но информации о том, чтобы за смерть Каресаева кто-то был наказан, в деле нет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309об.).

Из другого документа следует, что Тайсуйган Каресаев и некий Итямген Утелев были задержаны исключительно на том основании, что принадлежали к табынскому отделению, как и один из похитителей русских офицеров, Акын (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309об.). За их освобождение русские власти потребовали 1 200 руб. и С. Михайлова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 312-312об.). В итоге в мае 1824 г. однородцы единственного выжившего заложника Утелева внесли указанные 1 200 руб., но С. Михайлова освободить не смогли, после чего П.К. Эссен распорядился освободить киргизца (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 315об.-316об.). Вскоре после этого, 14 июля 1824 г., П.К. Эссен распорядился прекратить взыскания по данному делу, а всех задержанных отпустить (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 317). Возможно, причина милосердия заключалась в том, что русские власти уже получили компенсации со всех киргизцев, хотя бы отдаленно причастных к похитителям.

Однако отец С.Я. Медведева, как мы писали выше, настойчиво требовал выплаты остатка причитавшихся его сыну денег и дошел с прошением до императора. В 1826 г. Николай I распорядился «принять подлежащие меры к скорейшему взысканию с ограбивших сына его» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 452). И за этим последовали новые задержания заложников, на сей раз не имевших к похищению русских офицеров совсем никакого отношения. Даже есаул Аржанухин жаловался на нелогичность подобных мер. Он отмечал, что деньги требуют исключительно с киргизцев табынского отделения, в то время как следовало бы привлечь к выплате средств «киргизов Кирдаринского отделения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 480об.). Мотивировал это П.К. Эссену он так: «Пленили же их (русских офицеров – Авт.) около Полтавского селения за кердаринского арестанта Тюленбая из Уральска, в Оренбурге содержавшегося, кердаринцы, только при Участии табынцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 481).

Тем не менее в декабре 1826 г. в заложники были взяты два киргизца табынского отделения, мирно зимовавшие на линии, Туру Бикбулатов и Сарамат Караулов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 433-433об.). Выбор именно этих людей Аржанухин обосновывал их «однородством, состоятельностью и прикосновенностью», т. е. снова были схвачены богатые киргизцы табынского отделения, имевшие хоть какое-то отношение к похитителям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 435). От них уже требовали только заплатить выкуп, не упоминая необходимости освободить С. Михайлова: за Бикбулатова требовали 1 220 руб., а за Караулова – 800 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 448об.). Сбор нужной суммы растянулся, и, когда в феврале 1828 г. пришли деньги только за Караулова, Аржанухин попросил разрешения отпустить его одного «к поддержанию своего от жесткой зимы разоряющегося семейства и хозяйства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 480). Как мы помним, Г.Ф. Генс писал о тяжелом положении семей тех людей, которых похитили в рабство в Хиву. Из данного примера мы видим, что и семьи заложников русских властей могли страдать без кормильца. Туру Бикбулатов же уплату денег задерживал, и в итоге П.К. Эссен, уставший от жалоб отца С.Я. Медведева, приказал все же выдать ему остаток денег по иску из сумм Оренбургской

пограничной комиссии с последующей компенсацией этих денег взысканием с Бикбулатова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 489-489об.).

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, что в 1820 г. русские власти в Оренбуржье практиковали взятие заложников из киргизцев не только для возвращения из Средней Азии русских пленных, но и в целях получения денежного выкупа, идущего в компенсацию пострадавшим от набегов кочевников местным жителям. Рапорты начальника Новоилецкой линии Аржунахина упоминают киргизцев, захваченных русскими властями в связи с иными делами, кроме дела И.В. Подурова и С.Я. Медведева: так, в начале 1827 г. у Аржанухина в заложниках, кроме Туру Бикбулатова и Сарамата Караулова, находился Юмагул Янкшиев, от которого планировалось получить компенсацию за имущество других похищенных русских подданных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 435-435об.).

О том, как содержались эти заложники, сведений нет, но даже в разобранным нами деле, где подробно описаны ситуации менее чем с 10 заложниками, один из них умер в русском плену после побоев, а у одного за время пребывания в плену разорилась семья. При этом в заложники брались не непосредственные участники преступлений против людей, которым предполагалась выплата компенсации, но их родственники, порой даже очень дальние («однородцы», по терминологии документов), отобранные не по степени родства, а в соответствии с богатством и влиянием, облегчающими получение выкупа. Подобная практика опиралась не на имперские законы, а на то, что П.К. Эссен называл «законными обычаями Киргиз-кайсака», т. е. русские чиновники понимали варварский характер своих действий, но оправдывали их спецификой края. И действительно, с чисто инструменталистской точки зрения взятие заложников было эффективным: с его помощью пограничные власти успешно получали деньги на компенсации за набеги кочевников с самих киргизцев, пускай и не тех, кто был виновен в набегах. Правда, выручать подобным способом проданных в Хиву рабов не получалось (об этом свидетельствует не только утверждение Г.Ф. Генса в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках», но и неудача с освобождением солдата С. Михайлова). Однако это могло быть связано как раз с тем, что собственно хивинцев до 1836 г. в заложники русские власти не брали, а мотивации менять русских рабов на чужих им киргизцев ни у хивинских властей, ни у простых хивинцев не было.

Соответственно, вполне логично, что Г.Ф. Генс в 1831 г. предложил не просто прекратить торговлю с Хивой до выдачи оттуда русских рабов, но и взять в заложники хивинцев, находившихся на территории Российской империи, мотивируя это тем, что многие из них имели отношение к среднеазиатской работоторговле. Русские власти уже задерживали, причем неоднократно, в качестве заложников людей, невиновных в тех преступлениях, за которые с них требовали компенсацию, даже с точки зрения чиновников, расследовавших дело. Дошло до того, что несколько тысяч рублей компенсации по делу И.В. Подурова и С.Я. Медведева заплатили исключительно киргизцы табынского отделения, в то время как похищали этих русских офицеров преимущественно киргизцы кердаринского отделения. Подобная практика не встречала осуждения ни со стороны общества, ни со стороны вышестоящих властей, и относительно эффективно позволяла защищать интересы Российской империи.

Русская политика в отношении работоторговли в Средней Азии в первой половине 1830 гг.

Нам мало известно о непосредственной реакции оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена на записку Г.Ф. Генса. На ней стоит лишь лаконичная резолюция: «Приобщить к делу о выкупе пленных из Хивы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22). Вышестоящее имперское начальство в первой половине 1830 гг. еще надеялось решить проблему русских рабов в Хивинском ханстве иными методами. В этом контексте особенно любопытно отношение министра иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде новому оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому, написанное в 1833 г. и частично опубликованное С.Н. Севастьяновым (Севастьянов, 1906: 141-142). К.В. Нессельроде отвергал возможность военной экспедиции в Хиву по тем же причинам, что и Г.Ф. Генс за несколько лет до этого, ссылаясь на потенциальные человеческие и финансовые потери, а также на возможность того, что хивинцы перебьют всех русских рабов в случае приближения русских войск к их городу (Севастьянов, 1906: 140). Однако в качестве эффективной альтернативы военной экспедиции К.В. Нессельроде рассматривал не прекращение торговли с Хивой и захват хивинских заложников, а опосредованный выкуп русских рабов: предлагалось «действовать через приезжающих в Оренбург бухарцев», которым, по мнению министра, хивинцы согласились бы продавать русских пленников, а потом бухарцы перепродавали бы их русским (Севастьянов, 1906: 140-141).

И здесь мы сталкиваемся с крайне любопытным сюжетом, связанным с различием социальных практик рабства в сопредельных регионах, на Кавказе и в Средней Азии, и с тем, как эти различия влияли на политику Российской империи в отношении работоторговли. На Кавказе была крайне распространена практика захвата пленных с целью получения за них выкупа. А.А. Черкасову удалось выявить 638 персон, выкупленных русскими только из Черкесии в 1797–1860 гг. (Cherkasov, 2020: 1427). По его мнению, это привело к размыванию понятий «выкупа» и «обмена» и распространению

практики обратной продажи пленных: людей похищалось все больше, цены на них росли, и в итоге рекордная цена, заплаченная за возврат пленной девицы, составила 1 774 руб. (Cherkasov, 2020: 1427-1428). «В результате для русской администрации стало очевидным, что выкуп пленников только поощряет работорговлю в Черкесии», – пишет А.А. Черкасов и констатирует, что с 1835 г. выкупы пленников оттуда почти прекратились (Cherkasov, 2020: 1427-1428). Итак, на Кавказе русские подданные массово захватывались в плен не для продажи в рабство, а именно для выкупа обратно на родину, и в качестве меры борьбы с этим выкупы со временем были ограничены русской стороной.

В Средней Азии логика работорговли была другой. Г.Ф. Генс писал на этот счет следующее: «Оренбургская пограничная комиссия получает ежегодно из здешнего уездного казначейства на искупление пленных по 3 000 рублей, но успех в сем деле почти ничтожен, потому что в Хиве смертная казнь угрожает не только Киргизу, покушающемуся освободить пленника, но и хозяину, соглашающемуся продать его для возвращения в отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 23-23об.). Соответственно, случаи захвата русских пленных для обмена или возврата за выкуп на родину, являвшиеся нормой для Кавказа, были крайне нетипичны для Средней Азии. Об этом свидетельствует не только утверждение Г.Ф. Генса, но и то, сколько внимания чиновников привлекло дело И.В. Подурова и С.Я. Медведева. Вопрос о том, почему хивинский хан запрещал продажу невольников в Россию под страхом смертной казни, но допускал подобную продажу в Бухару, заслуживает отдельного исследования. Возможно, дело было в религиозной специфике и желании в перспективе обратить неверных в ислам, для чего не следовало выпускать их обратно в христианскую страну.

В любом случае в Средней Азии еще в первой половине 1830-х гг. русские власти были согласны на любой способ выручки русских рабов из Хивы. В 1831 г. лично Г.Ф. Генс вел кулуарные переговоры на этот счет с членом бухарского посольства в России Мырзою Абдул-Халыком Мырза-Ибрагимовым (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 2-3об.). Бухарец обещал, если ему разрешит правительство, выкупать ежегодно 5-8 русских невольников из Хивы, платя за каждого от 480 до 960 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 2об.). Вскоре лично оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен дал взятку главе бухарского посольства Балтакули Рахматбекову, подарив ему драгоценное кольцо и попросив помочь с выручкой из Хивы, если они окажутся там, нескольких конкретных пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 10-10об.). Снова показательна сама риторика П.П. Сухтелена, дословно писавшего следующее: «Я остаюсь уверенным, что Вы не откажете в удовлетворении моей просьбы о пленных. Освобождение людей из неволи есть дело богоугодное по правилам и законам всех религий и всех времен и народов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 11-11об.).

Итак, высокопоставленный русский чиновник пытался не только подкупить, но и убедить мусульманина-бухарца в том, что, оказав помощь в освобождении русских рабов, он совершит благое дело с точки зрения своей веры и своего народа. Любопытно, что К.В. Нессельроде в своем отношении к В.А. Перовскому от 1833 г. упоминал о контактах его предшественника с бухарцами и, хотя и признавал, что они ни к чему не привели, предлагал «усугубить старания» и «не жалеть для сего денег», видимо, считая, что неудача П.П. Сухтелена была связана не с бесперспективностью самой идеи выкупать русских рабов из Хивы через посредников, а только с тем, что оренбургские власти недостаточно уговаривали бухарских дипломатов (Севастьянов, 1906: 140-141). Однако и дальнейшие усилия в этом направлении оказались более или менее безуспешными: нам пока не удалось найти ни одного случая, когда русский раб в 1830 гг. выручался бы из Хивы посредством бухарских чиновников.

К этому следует прибавить, что именно в первой половине 1830 гг. русские власти столкнулись с моральным давлением со стороны самих русских рабов из Хивы. Последним удалось передать в Оренбург три письма, адресованных не семьям, а именно местным властям. Уже в первом из этих писем, от 11 июня 1831 г., они просили губернатора, имени которого даже не знали, выволить их из плена: «Сколько бы возрадовалась Православная Греко-российская церковь о возвращении нашем, паче, нежели о блудном сыне, и вы б тогда возвысили Глас свой посреди Церкви» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16-16об.). В последнем, третьем, письме от 21 марта 1833 г. они так описывали свое положение: «Единогласно призываем вас на помощь нашего избавления, помогите нашей бедности, Окажите зависть нам, Жизни и благополучия будьте нашим попечителем. Находящиеся мы беспрестанно в тяжелой земляной работе, Имеем Смертельный голод, Жар и стужа обезобразили лица наши и нагое тело» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 41). Написанное между этими двумя письмами недатированное письмо содержательно менее интересно, однако в его случае до нас дошли детали того, какими сложностями сопровождалась самая переписка русских рабов с родиной: осенью 1832 г. некий русский раб в Хиве дал письмо незнакомому ему киргизцу Абдулле Арасланбаеву, попросив его отвезти это письмо в Оренбург, что последний смог сделать только к 26 июня 1833 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 42-42об.). Мотивацию Арасланбаева к передаче послания проясняет факт выдачи за оказанную услугу 10 руб. серебром (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 42-43об.). При этом переписка с родиной была смертельно опасна для русских рабов: несколько позже, в конце 1830 гг., вырученный из Хивы раб, урядник Попов, заявил, что одного из участников описанной нами переписки, Е. Шукина, живьем зарыли в землю узнавшие о ней хивинские власти (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234-234об.).

О просьбах русских рабов узнали и в Санкт-Петербурге. В 1833 г. новый оренбургский военный губернатор В.А. Перовский докладывал в Министерство иностранных дел следующее: «Чрез прибывшего с караваном купца Гарифа Атагалиева доставлено из Хивы на имя покойного Генерал-Адъютанта Графа Сухтелена 2-го от Русских пленников письмо, в коем <они> описывали в самых трогательных выражениях претерпеваемые ими страдания, умоляют об освобождении их от жестокого плена и просят прислать им чрез упомянутого купца Атагалиева образ Спасителя, тысячу крестов, хотя бы медных, и несколько книг Четьи-Минеи и других Священного Писания, также денег для искупления престарелых из них от изнурительных работ» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 47-47об.).

В итоге к середине 1830-х гг. Российская империя в Средней Азии оказалась в весьма двусмысленном положении. Ее подданных регулярно и в заметных масштабах захватывали в рабство кочевники. Бороться с этими кочевниками более или менее эффективно империя могла. Однако за кочевниками стояло Хивинское ханство, служившее им основным рынком сбыта. Русским чиновникам было известно, что там томится несколько тысяч русских рабов, более того, эти рабы умоляли их освободить в посылаемых с риском для жизни письмах. Но у русских властей не имелось не только реальных рычагов давления на Хиву, но и даже сколько-либо адекватного контакта с ней. Русские чиновники не смогли выкупить хивинских рабов даже за высокую цену и с помощью посредников, хотя приложили немалые усилия к этому. Понятно, что для достаточно милитаризованной и уверенной в своих силах империи подобное положение дел было неприемлемым. Наиболее очевидным выходом из ситуации была бы военная экспедиция против Хивы, однако, как видно из изложенного выше, и Г.Ф. Генс, и К.В. Нессельроде считали, что она потребует слишком много ресурсов. И поэтому логично, что до принятия решения об отправке подобной экспедиции имперские власти все же попробовали реализовать предложение о прекращении торговли с Хивой и массовом захвате хивинских подданных на территории Российской империи.

5. Заключение

Нам остается отметить, что предыстория массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г. демонстрирует сложность и неоднозначность борьбы русских властей со среднеазиатской работорговлей в 1820–1830 гг. Не вполне корректными оказываются как интерпретации, выставляющие эту борьбу безусловно благородным делом, так и интерпретации, выставляющие эту борьбу лишь прикрытием агрессивной имперской российской политики. В действительности необходимо учитывать следующие важные аспекты проблемы:

1) В своей борьбе с работорговлей русские власти практиковали эффективные, но крайне жестокие меры, в определенной степени уподобляясь самим работорговцам. Так, обычной практикой был захват русскими заложников из числа киргизцев, причем, по признанию оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, захват этот производился «согласно законным обычаям Киргиз-кайсака». Важно отметить, что захват осуществлялся не только для обмена заложников на русских рабов, но и для получения с них компенсаций русским подданным, лишившимся имущества во время набегов кочевников, т. е. фактически русские власти брали заложников для получения денежного выкупа. В заложники отбирались богатые и уважаемые киргизцы, часто не только лично ни в чем не виновные, но и имеющие лишь отдаленное родство с преступниками, за которых им предстояло заплатить. Мы рассмотрели только один случай выплаты компенсации бывшим пленникам киргизцев, случай И.В. Подурова и С.Я. Медведева, поскольку связанная с ним документация наиболее подробно фиксирует механизм получения русскими властями выкупа за заложников. И только при получении этой компенсации один заложник умер после побоев, семья одного заложника разорилась за год без мужа (но все равно заплатила за него выкуп) и с одного заложника выкуп фактически был взят дважды.

2) Идея массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи принадлежала не какому-то высокопоставленному чиновнику, министру или губернатору, а председателю Оренбургской пограничной комиссии, полковнику Г.Ф. Генсу, непосредственно отвечавшему за контакты России со Средней Азией и имевшему репутацию крупного ученого-востоковеда. Эта идея не представляла из себя ничего принципиально нового, а только предлагала распространение на хивинцев той практики взятия заложников, которая давно использовалась в отношении киргизцев. Переносилась на хивинцев и та аксиология, посредством которой оправдывалось взятие заложников: захват русских рабов рассматривался как тяжелейшее преступление, их неволя – как «самая тяжкая», в то время как взятие в заложники киргизцев позиционировалось лишь как «несправедливость», а хивинцев – и вовсе как «мнимая несправедливость», поскольку большинство из них якобы имело русских рабов. О меньшинстве, русских рабов не имеющем, Г.Ф. Генс специально не писал, однако в его отношении, очевидно, работал тот же принцип коллективной ответственности за самых дальних родственников, который русские власти давно применяли к киргизцам.

3) В тоже время крайняя жесткость Г.Ф. Генса при решении проблем среднеазиатской работорговли была порождена самой этой работорговлей, а именно тем, что от нее массово страдали русские подданные, которых похищалось до 200 в год. Борьба с работорговлей не была для него

прикрытием экспансионистских устремлений Российской империи: в нарративе Г.Ф. Генса захват хивинских подданных и последующий ультиматум Хивинскому ханству преследовали цель только освободить русских рабов, а о подчинении хивинского хана диктату России в других вопросах речи не шло. Министр иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде в начале 1830 г. также был готов ограничиться одним вырочением русских из Хивы, причем, в отличие от Г.Ф. Генса, он предлагал компромисс на выгодных для хивинцев условиях, сводящийся к выкупу нескольких русских пленников в год через посредство дружественных России бухарцев. Оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен с целью обеспечить такой выкуп даже дал взятку бухарскому послу. Таким образом, многие, если не все русские чиновники, в 1820–1830 гг. хотели помочь русским рабам в Хиве, не связывая эту помощь с военно-территориальной экспансией. Дополнительной мотивацией некоторым из них служили письма русских рабов из Хивы, не только живописующие ужасы рабства, но и отправляемые с риском для авторов: одного из этих авторов позднее, как сообщили спасенные из Хивы рабы, живым закопали в землю за переписку с русскими властями.

4) Наконец, хотя массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи и был шагом к эскалации русско-хивинского конфликта, он изначально не только не связывался с военной экспедицией в Хиву, но и рассматривался Г.Ф. Генсом и К.В. Нессельроде как альтернатива подобной рискованной и дорогостоящей экспедиции. Логика развития ситуации была следующей: русские власти пробовали различные способы спасения рабов из Хивы, ожидая, что какой-то из них наконец окажется эффективным. К 1836 г. неконфликтные способы решения проблемы были уже исчерпаны: российские чиновники, как мы видели выше, использовали и лесть, и подарки, но это не дало ожидаемого результата. Конечно, личные амбиции каких-то лиц (например, В.А. Перовского и А.И. Чернышева) могли способствовать ускорению эскалации русско-хивинского конфликта. Однако в целом этот конфликт был неизбежен из-за бескомпромиссной позиции Хивы в вопросах работорговли, а также из-за введенного там запрета даже на выкуп русских пленников для отправки на родину. И когда до него дошло дело, русская сторона начала с реализации более мягкой из предлагавшихся Г.Ф. Генсом мер: она прекратила торговлю с Хивой и задержала хивинцев, пока не пытаясь освободить русских рабов силой.

Литература

- Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
- Иванин, 1874 – Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.
- Матвиевская, 2016 – Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. М., 2016. 173 с.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Попов, 1907 – Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168–182.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Севастьянов, 1906 – Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95–148.
- Севастьянов, 1907 – Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 158–167.
- Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190–205.
- Энциклопедия..., 2005 – Казахстан. Национальная энциклопедия. Т. 2. Алматы, 2005. 560 с.
- Юдин, 1899 – Юдин П.Л. Григорий Федорович Генс, первый директор Оренбургского кадетского корпуса // *Русская старина*. Том XCIX. 1899. С. 363–373.
- Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // Bylye Gody. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue). Pp. 1415–2266.
- Ermachkov et al., 2021a – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K. et al. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3). Pp. 1171–1180.
- Ermachkov et al., 2021b – Ermachkov I.A., Baibarın A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1779–1788.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26–34.
- Morrison, 2014 – Morrison A. Killing the Cotton Canard and Getting rid of the Great Game. Rewriting the Russian Conquest of Central Asia, 1814–1895 // *Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No. 2. Pp. 131–142.

Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

References

- Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1) (Special issue): 1415-2266.
- Entsiklopediya..., 2005 – Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya [Kazakhstan. The National Encyclopedia]. Vol. 2. Almaty, 560 p. [in Russian]
- Ermachkov et al., 2021a – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021) The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.
- Ermachkov et al., 2021b – Ermachkov, I.A., Baibarın, A.A., Mineeva, E.K. et al. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(4): 1779-1788.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Ginzburg K. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya, Moskva, 345 p. [in Russian]
- Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839-1840]. Sankt-Peterburg, 268 p. [in Russian]
- Matvievskaya, 2016 – Matvievskaya, G.P. (2016). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii [The Orenburg Neplyuevskii Cadet Corps. A sketch of history]. Moskva, 173 p. [in Russian]
- Morrison, 2014 – Morrison, A. (2014). Killing the Cotton Canard and Getting rid of the Great Game. Rewriting the Russian Conquest of Central Asia, 1814-1895. *Central Asian Survey*. 33(2): 131-142.
- Morrison, 2021 – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- OGAoo – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Yu. (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII — nachalo XX v. [Governors and Khans. Personal Factors in Russian Law-Making in Central Asia: 18th to Early 20th Century]. Moskva, 384 p. [in Russian]
- Popov, 1907 – Popov, A. (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 19. Orenburg, pp. 168-182. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1906 – Sevast'yanov, S.N. (1906). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiyu v Khivu 1839-1840 gg. [Events in the Orenburg Kraj that preceded the expedition to Khiva of 1839-1840]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 16. Orenburg, pp. 95-148. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1907 – Sevast'yanov, S.N. (1907). Grigorii Fedorovich Gens [Grigorii Fedorovich Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 19. Orenburg, pp. 158-167. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. *Gostinyi dvor: Literary-artistic and socio-political almanac*. Orenburg, pp. 190-205. [in Russian]
- Yudin, 1899 – Yudin, P.L. (1899). Grigorii Fedorovich Gens, pervyi direktor Orenburgskogo kadetskogo korpusa [Grigorii Fedorovich Gens, the first director of the Orenburg Cadet Corps]. *Russkaya starina*. Vol. XCIX, pp. 363-373. [in Russian]

Задержание хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. и российская борьба с работорговлей в Средней Азии. Часть I

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена достаточно известному в историографии, но специально не изучавшемуся событию – задержанию хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. Различными авторами предлагаются диаметрально противоположные трактовки данного события. Так, российский исследователь Р.Ю. Почекаев рассматривает его как акт самообороны, вызванный инспирированными Хивой нападениями на русских подданных, а британский исследователь

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

А. Morrison считает его первым шагом к эскалации конфликта, завершившегося Хивинским походом. Мы будем рассматривать данное событие с позиций микроистории, а не историй государств и регионов, концентрируя внимание на индивидуальных стратегиях и судьбах различных людей, связанных с задержанием хивинцев, опираясь при этом на архивные материалы, преимущественно документацию Оренбургской пограничной комиссии.

В первой части статьи автор приходит к четырем основным выводам. Во-первых, практика взятия заложников в 1820–1830 гг. использовалась русскими властями в качестве допустимого метода борьбы со среднеазиатским рабством, причем заложники порой брались ради выкупа, который использовался для компенсации пострадавшим от набегов кочевников, а задерживаться могли богатые дальние родственники преступников, лично ни в чем не виновные. Во-вторых, инициатором массового задержания хивинцев стал в 1831 г. прекрасно знакомый с практикой взятия заложников председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс, причем он изначально позиционировал преступления хивинских работарговцев как тяжелейшие и считал, что к работаргове причастно большинство жителей Хивы, вследствие чего арест хивинцев в России называл лишь «мнимой несправедливостью». В-третьих, в первой половине 1830 гг. русскими чиновниками предлагались и иные пути борьбы с хивинской работарговлей. Причем первоначально в качестве основного варианта действий Министерство иностранных дел выбрало выкуп русских рабов из Хивы через Бухару, однако попытки подобного выкупа оказались безуспешны. В-четвертых, задержание хивинцев в 1836 г. было направлено не на защиту рубежей России или агрессию против Хивы, а на борьбу с работарговлей. Эскалация русско-хивинского конфликта была начата русской стороной, однако причиной к этому стала крайне жесткая позиция стороны хивинской, отказывающейся даже за выкуп возвращать захваченных русских подданных.

Ключевые слова: заложники, рабство, плен, Средняя Азия, Хивинское ханство, Оренбургское губернаторство, Г.Ф. Генс.